

Сюаньсюань наконец наигрался и теперь, совсем обессиленный, мягко прильнул к отцу, капризно протянув:

— Папа, я кушать хочу.

Хэ Ян, переглянувшись с Ли Гуанбином, повёл их в заранее забронированный ресторан западной кухни, и в этом жесте было столько заботы, столько желания подарить сыну хоть немного радости.

Почему именно западной? Хэ Ян хотел, чтобы сын попробовал как можно больше разной еды, ощутил другие вкусы, другую атмосферу, чтобы его маленький мир не ограничивался только тем, что они могли позволить себе каждый день. Сюаньсюань с детства ел только китайскую еду — курицу, утку, рыбу, креветки, крабов, но никогда не бывал ни в ресторане западной кухни, ни в KFC, и эта мысль тяжёлым камнем лежала на сердце у Хэ Яна.

Он до сих пор помнил тот день, когда они проходили мимо KFC, и Сюаньсюань остановился как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от детей, которые с аппетитом уплетали куриные крылышки и картошку фри. В его глазах тогда было столько любопытства и такого искреннего желания попробовать, что у Хэ Яна сердце разрывалось от горечи. Он хотел зайти, купить, но в кошельке лежали только смятые купюры, которых едва хватало на рис и яйца до зарплаты. Он тогда взял сына за руку и сказал: «Пойдём, папа дома приготовит вкуснее». И Сюаньсюань послушно пошёл, ни разу не оглянувшись, только руку сжал крепче — утешал отца.

И в тот момент он дал себе слово: работать не покладая рук, зарабатывать, тянуться изо всех сил, чтобы дать Сюаньсюаню ту жизнь, которую тот заслуживает, чтобы его сын никогда не чувствовал себя обделённым.

Они поднялись на пятый этаж торгового центра, и под руководством официанта расположились у огромного панорамного окна, откуда открывался потрясающий вид на площадь внизу — людской поток, дети, катающиеся на скейтах, родители, наблюдающие за ними с лавочек, и вся эта кипящая жизнь казалась отсюда такой далёкой и одновременно такой близкой.

Заказали три стейка, две порции пасты, куриные крылышки, креветки — всего понемногу, чтобы Сюаньсюань мог попробовать и выбрать то, что понравится больше всего.

Малыш, утомлённый долгим днём, сидел тихо, прижавшись к спинке дивана, и уже начал клевать носом, но при этом всё ещё пытался не заснуть, чтобы не пропустить ничего важного.

Ли Гуанбинь, заметив это, достал из кармана большую шоколадку и помахал ею перед носом у Сюаньсюаня, хитро прищурившись:

— Сюаньсюань, смотри, шоколадка! Будешь?

Сюаньсюань не был привередой — он любил всё, что можно было съесть, и никогда не капризничал за столом. Но шоколад он пробовал только однажды и с тех пор не мог забыть этот волшебный, тающий на языке вкус.

При виде такого сокровища сонливость как рукой сняло, глаза его засияли ярче любых фонарей за окном, и он тут же протянул свои пухлые ручонки, чтобы забрать у дяди драгоценность. Хэ Ян хотел сказать, что перед ужином нельзя сладкое, но посмотрел на сияющее лицо сына и промолчал. Только перевёл взгляд на Ли Гуанбиня — и тот понял этот взгляд без слов: спасибо.

Как раз в этот момент принесли стейки — горячие, ароматные, с аппетитной хрустящей корочкой. Сюаньсюань, не в силах больше терпеть, схватил вилку и решительно потянулся к мясу.

Хэ Ян, глядя на эту нетерпеливую атаку, только рассмеялся — так трогательно и забавно выглядел его маленький воин с вилкой наперевес.

— Подожди, сынок, — мягко остановил он его, погладив по голове. — Мясо очень горячее, нужно сначала порезать, тогда можно будет есть.

Ли Гуанбинь сидел напротив и смотрел, как Хэ Ян терпеливо, с какой-то почти материнской нежностью, нарезает стейк для сына и для него, проверяет, не слишком ли горячие кусочки, прежде чем положить их в тарелки — сыну и ему. Он знал, что Хэ Ян делает это не из жалости и не из желания покрасоваться, а просто потому, что понимал, как тяжело Ли Гуанбиню после долгих смен на стройке, как болят руки, как ноют суставы после целого дня физической работы. И эта тихая, ненавязчивая забота, это молчаливое участие грели его сильнее любых слов.

Сюаньсюань, впервые попробовав нежнейшее мясо, пришёл в полный восторг. Он заерзал на стуле, замахал руками и ногами и, сияя от счастья, поделился своими впечатлениями с отцом:

— Папа! Мясо такое вкусное! Я никогда такого не ел!

— Тогда кушай побольше, — улыбнулся Хэ Ян, подкладывая ему ещё один кусочек. — От мяса растут сильными и высокими.

Сюаньсюань важно кивнул, надув щёки и стараясь выглядеть как можно серьёзнее:

— Папа, не волнуйся. Я скоро вырасту-вырасту, стану как трансформер, большой-пребольшой, и буду тебя защищать. Никто не посмеет тебя обидеть!

В маленьком мире Сюаньсюаня отец занимал первое место — папа был самым главным человеком на свете, и никто не смел его обижать.

Ли Гуанбинь, подшучивая, спросил у малыша, который с упоением жевал мясо и довольно покачивал ногами под столом:

— А Сюаньсюань будет защищать дядю? Или только папу?

Сюаньсюань перестал жевать, задумался. Посмотрел на Ли Гуанбиня, потом на отца. Потом снова на дядю.

— Буду! — выпалил он наконец. — И дядю тоже буду! Вы же наши друзья.

Ужин удался на славу — все наелись до отвала.

Животик Сюаньсюаня раздулся, как маленький шарик, и Ли Гуанбинь не удержался от подколки:

— Ой-ой-ой, кто это у нас такой кругленький? Смотри, завтра превратишься в маленького поросёнка!

Малыш возмущённо насупился:

— Я не поросёнок! Я тигр! Большой и сильный тигр! Р-р-р!

И для убедительности соорудил такую свирепую рожицу, зарывчав как настоящий хищник, что оба взрослых покатались со смеху.

Расплатившись, они вышли из ресторана, и тут Хэ Ян вдруг вспомнил, что забыл на столе термос с водой для Сюаньсюаня. Ли Гуанбинь забрал у него уставшего, сонного ребёнка, сказал ждать здесь, а сам отправился за забытой вещью.

Но судьба приготовила ему встречу, которой он меньше всего желал.

Едва он вышел из ресторана, держа в руке найденный термос, как нос к носу столкнулся с человеком, которого надеялся никогда больше не видеть. Лу Тинфэн стоял прямо перед ним.

Тот замер на месте, не веря своим глазам. Его взгляд — откровенный, прямой, жадно скользящий по Хэ Яну, — заставил воздух вокруг них сгуститься.

Рядом с Лу Тинфэном стояла какая-то женщина — красивая, ухоженная, с дорогой сумкой через плечо. Она с недоумением переводила взгляд с одного на другого, чувствуя странное напряжение, повисшее в воздухе.

— Что случилось? — спросила она мягко, тронув его за руку, но Лу Тинфэн даже не обернулся.

Три года. Три долгих года прошло с тех пор, как они расстались. Три года, которые вместили в себя рождение сына, его первые шаги, первые слова. И теперь, глядя в это знакомое до боли лицо, Хэ Ян не чувствовал ничего. Ни злости, ни обиды, ни сожаления. Только лёгкое удивление: надо же, как тесен мир. Он уже не был тем робким, забитым мальчиком, который стоял на коленях и умолял о пощаде, тот мальчик остался в прошлом.

— Давно не виделись, — сказал он вежливо, с лёгкой, почти безразличной улыбкой.

Лу Тинфэн смотрел на него и не верил своим глазам. Тот самый человек, который когда-то ловил каждое его слово, замирал от одного его взгляда, плакал от его жестокости, — стоял сейчас перед ним с таким спокойствием, с такой уверенностью, словно они были просто случайными знакомыми. В его глазах не было ничего, что Лу Тинфэн ожидал увидеть. Ни боли, ни надежды, ни страха. Только спокойствие человека, который давно перевернул эту страницу.

— Давно не виделись, — наконец выдавил он, и голос его прозвучал глухо, неестественно.

Женщина рядом, почувствовав неловкость, снова подала голос:

— Вы... знакомы?

— Просто старые знакомые, — быстро ответил Хэ Ян, опередив Лу Тинфэна. Он сказал это легко, буднично, словно речь шла о погоде.

«Просто старые знакомые».

От этих слов, брошенных так небрежно, лицо Лу Тинфэна дрогнуло. Он смотрел, как Хэ Ян, даже не обернувшись, зашагал прочь, унося на руках сонного ребёнка, и вдруг с ужасающей ясностью понял: тот человек, который когда-то любил его, — остался в прошлом, а этот новый Хэ Ян, спокойный и равнодушный, был ему совершенно чужим.

<http://bllate.org/book/16098/1573543>